

И.С. КЛИМЕНКО¹, Э.Т. КАКИЛЬБАЕВА²

¹PhD докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби
(Казахстан, г. Алматы), e-mail: ivan-klimenko-2017@mail.ru

²кандидат филологических наук, доцент
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
(Казахстан, г. Алматы), e-mail: inkar.kakil@mail.ru

БУДДИЙСКАЯ СИМВОЛИКА В ПОВЕСТИ ВС. ИВАНОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ БУДДЫ»: ПРИЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И АНАЛИЗА

Аннотация. Статья посвящена разработке алгоритма анализа и интерпретации буддийской символики в повести Вс. Иванова «Возвращение Будды». Цель исследования – показать, как буддийские образы (Будда, путь, молчание, жертва, возвращение) структурируют идейно-художественное целое текста и как они становятся опорой пошагового анализа, выполняемого студентами. Материалом послужили сама повесть и корпус критических работ о ней; методологическая база сочетает междисциплинарный подход с приёмами структурно-семиотического и контекстуального анализа, а также стратегиями критического мышления. Показано, что буддийские образы формируют ценностные ориентиры героя: они объясняют логику связей и его выбор. Статуя Будды в повести выступает мерой нравственной ответственности. Предлагаемый алгоритм анализа буддийской символики задаёт новую исследовательскую перспективу: он сочетает структурное и ценностное прочтение текста с описанием конкретных приёмов работы в аудитории (предтекстовые задания, ассоциативные карты, дебаты, кейсовый анализ, сравнительные таблицы, критерии оценивания). Такой формат связывает анализ символики с практикой обучения, предлагает прозрачные этапы обсуждения и критерии результативности. Итог исследования представлен в разработке плана семинарского занятия, который можно использовать в учебном процессе вуза на курсах русской литературы XX века и русскоязычной литературы Казахстана.

Ключевые слова: Всеволод Иванов, «Возвращение Будды», контекст, буддийская символика, философская притча, структурно-семиотический анализ, интерпретация.

*** Цитируйте нас правильно:**

Клименко И.С., Какильбаева Э.Т. Буддийская символика в повести Вс. Иванова «Возвращение Будды»: приемы интерпретации и анализа // Ясауи университетінің хабаршысы. – 2025. – №4 (138). – С. 200–213. <https://doi.org/10.47526/2025-4/2664-0686.285>

***Cite us correctly:**

Klimenko I.S., Kakilbaeva E.T. Buddiskaia simvolika v povedi Vs. Ivanova «Vozvrashenie Buddy»: priemy interpretacii i analiza [Buddhist Symbolism in Vs. Ivanov's Novella «Return of the Buddha»: Methods of Interpretation and Analysis] // Iasaui universitetinin habarshysy. – 2025. – №4 (138). – S. 200–213. <https://doi.org/10.47526/2025-4/2664-0686.285>

I.S. Klimenko¹, E.T. Kakilbayeva²

¹*PhD Doctoral Student, Al Farabi Kazakh National University
(Kazakhstan, Almaty), e-mail: ivan-klimenko-2017@mail.ru*

²*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Al-Faraby Kazakh National University (Kazakhstan, Almaty), e-mail: inkar.kakil@mail.ru*

**Buddhist Symbolism in Vs. Ivanov's Novella «Return of the Buddha»:
Methods of Interpretation and Analysis**

Abstract. The article is devoted to the development of an algorithm for analyzing and interpreting Buddhist symbolism in Vsevolod Ivanov's novella The Return of Buddha. The study aims to show how Buddhist images (Buddha, the path, silence, and sacrifice, return) structure the conceptual and artistic integrity of the text and how they serve as a framework for systematic analysis conducted by students. The material for the research includes the novella itself and a corpus of critical works on it; the methodological basis combines an interdisciplinary approach with techniques of structural-semiotic and contextual analysis, as well as strategies of critical thinking. The study demonstrates that Buddhist images shape the protagonist's value orientation, clarifying the logic of the denouement and his final choice. The statue of Buddha in the novella functions as a measure of moral responsibility. The proposed algorithm for analyzing Buddhist symbolism opens up a new research perspective: it combines structural and value-based reading of the text with the description of specific classroom techniques (pre-text assignments, associative mapping, debates, case studies, comparative tables, assessment criteria). This format links symbolic analysis with teaching practice, offering clear stages of discussion and measurable outcomes. The result of the study is a development of a seminar plan that can be directly applied in university courses on twentieth-century Russian literature and Russian-language literature of Kazakhstan.

Keywords: Vsevolod Ivanov, «The Return of Buddha», context, Buddhist symbolism, philosophical parable, structural-semiotic analysis, interpretation.

И.С. Клименко¹, Э.Т. Какильбаева²

¹*PhD докторант, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
(Қазақстан, Алматы қ.), e-mail: ivan-klimenko-2017@mail.ru*

²*филология ғылымдарының докторы, доцент
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
(Қазақстан, Алматы қ.), e-mail: inkar.kakil@mail.ru*

**Вс. Ивановтың «Будданың оралуы» повесіндегі буддистік символикасы:
интерпретация мен талдау тәсілдері**

Андратпа. Мақала Всеволод Ивановтың «Будданың оралуы» повесіндегі буддистік символизмді талдау және түсіндіру алгоритмін жасауға арналған. Зерттеудің мақсаты – буддистік бейнелер (Будда, жол, үнсіздік, құрбандық, оралу) мәтіннің идеялық-көркемдік тұтастығын қалай құратынын және олар студенттердің орындауындағы қадамдық талдаудың тірегіне айналуын көрсету. Материал ретінде повестің өзі және ол туралы сыйни жұмыстардың корпусы алынды; әдістемелік база пәнаралық тәсілді құрылымдық-семиотикалық және контекстік талдау әдістерімен, сондай-ақ сыйни ойлау стратегияларымен біріктіреді. Буддистік бейнелер кейіпкердің құндылық белгілерін қалыптастырыны көрсетілген: олар аяқталу логикасын және оның тандауын түсіндіреді. Повестегі мұсін моральдық жауапкершіліктің өлшемі болып табылады. Ұсынылған буддалық символиканы талдау алгоритмі жаңа зерттеу көкжигін ашады: ол мәтінді құрылымдық және құндылықтық

тұрғыдан окуды аудиториядағы нақты жұмыс түрлерімен (мәтін алдындағы тапсырмалар, ассоциативті карталар, дебаттар, кейстік талдау, салыстырмалы кестелер, бағалау критерийлері) ұштастырады. Мұндай үлгі символиканы талдауды оқыту тәжірибесімен байланыстырып, талқылаудың айқын кезеңдері мен нәтижелілігін бағалау өлшемдерін ұсынады. Зерттеудің қорытындысы семинар сабағының жоспарын жасаумен ұсынылады, оны жоғары оқу орындарында XX ғасырдағы орыс әдебиеті мен қазақстандық орыс тілді әдебиет курсарында пайдалануға болады.

Кілт сөздер: Всеволод Иванов, «Будданың оралуы», контекст, буддистік символизм, астарлы әңгіме, құрылымдық-семиотикалық талдау, түсіндіру.

Введение

Устойчивый интерес Всеволода Иванова в 10-20-ые годы XX века к Будде и его философии объясняется разными причинами. Немалую роль в этом отношении сыграли впечатления павлодарско-омского периода жизни писателя и личность отца Вячеслава Алексеевича Иванова, который, кроме казахского, знал арабский и персидский языки, пробудил в сыне страсть к приключениям и странствиям, предельной дистанцией которых был поход в Индию. Общение с людьми, исповедующими (тибетский буддизм), во время странствий по Алтаю и Западной Сибири, Забайкалью и Средней Азии, участие в гражданской войне, активные занятия восточными медитациями привели Всеволода Иванова от Горького, ЛЕФа и РАППа к поиску смысла жизни вне канонов социалистического реализма, что нашло отражение в повести «Возвращение Будды», истинный замысел создания которой стал понятен лишь в конце XX века, когда появились новые интерпретации прозы «забытого» советского писателя.

Увлечение сказками и легендами «ушедшей и умершей Сибири» позволили ему занять значимое место среди «Серапионовых братьев», где Иванов, брат Алеут, удивлял всех своей огромной шубой из шкуры белого медведя, чтением наизусть текстов на непонятном петербуржцам казахском языке и в спорах о новой культуре и цивилизации был принципиально за восточный, евразийский путь развития. Но споры русских религиозных философов того времени о «новом типе культуры» в постреволюционной России 1922 года вскоре подверглись гонениям со стороны новой власти, начались аресты, высылки за рубеж, был отправлен в небытие «философский корабль». Поэтому повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды» 1923 года [1], вобравшая в себя многое из этих дискуссий, была опубликована лишь в 1958 году, когда стало возможным понять духовные поиски писателя, стремившего через обращение к буддистской философии соединить внутреннюю тишину с внешней хаотичной реальностью новой революционной России.

Методы исследования и материалы

В статье использованы интердисциплинарные методы анализа, среди которых ключевыми являются структурно-семиотический, контекстуальный и приёмы стратегий критического мышления. Структурно-семиотический метод позволяет выявить архитектонику текста и проследить, каким образом символы и образы формируют целостное художественное пространство повести. Контекстуальный метод обеспечивает раскрытие связи сюжетных линий и образной системы с философией и практиками буддизма, а также с культурно-историческим опытом региона, в котором формировался автор. Приёмы стратегий критического мышления дают возможность студентам осмысливать символику через интерпретацию, сопоставление, аргументацию и формирование аналитических выводов.

Интерес к теме исследования обусловлен и тем, что исторически буддизм был религией людей, проживавших в Приишимье и в Западной Сибири, то есть в тех регионах, где прошло детство и юность Всеволода Иванова. Понимание буддийской символики, семиотики образов, носителей буддистского мышления способствует развитию у студентов способности воспринимать иные культуры и религиозно-философские традиции, что особенно важно для современного многоконфессионального общества. В связи с этим основной целью исследования является разработка алгоритма анализа и интерпретации студентами буддийской символики в повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды». Для достижения этой цели предполагается интерпретировать функции культурных и религиозных аллюзий, показать пути перехода от символа к смыслу, определить семиотику буддийских образов в сюжете повести (Будда, путь, молчание, жертва, возвращение).

Таким образом, методология исследования опирается на интеграцию различных подходов, что позволяет не только вскрыть идейно-художественное содержание произведения, но и показать его ценностный потенциал в формировании у студентов навыков межкультурного диалога и аналитического мышления.

Анализ и результаты

Уже первые критики прозы Всеволода Иванова отмечали, что буддийская тема занимает в творчестве Всеволода Иванова особое место, а в повести «Возвращение Будды» буддийские образы приобретают глубокое философское звучание. Здесь Будда – не просто культурный знак, а образ, через который автор осмысливает трагедию времени, потерю духовной опоры, внутренний путь человека в мире хаоса. Научный интерес к этому произведению в последние годы усиливается: появляются работы, где предпринимаются попытки рассмотреть его в контексте восточной философии, религиозной символики, буддийской концепции перерождения.

Одним из первых, кто акцентировал внимание на глубинной связи Иванова с буддизмом и восточной культурой, стал Вяч.Вс. Иванов. В своих публикациях он подчёркивал, что тяготение писателя к Востоку имеет как личностные, так и культурно-исторические основания: «как в каждом истинно русском, особенно сибиряке, в нём Запад и Восток были перемешаны не только в душе, но и физически» [2, с.506]. Позднее он отмечал, что в ранней прозе писателя можно обнаружить фольклорно-мифологические элементы, восходящие к мусульманской, алтайской и среднеазиатской традиции [3, с. 716].

Существенный вклад в изучение и интерпретацию буддийских и восточных мотивов творчества Всеволода Иванова внесла индийская исследовательница Р. Банерджи. В её работах «Возвращение Будды» рассматривается как философское размышление писателя о кризисе европейской цивилизации и возможной духовной альтернативе, воплощённой в ценностях буддизма. Исследователь доказывает, что «статуя Будды в повести олицетворяет мудрую философию буддизма, распространение которой, по мысли писателя, могло бы спасти разлагающийся Запад и разорённую Россию» [4, с. 69].

Калмыцкая писательница и литературовед Р.М. Ханинова утверждает, что «интерес к Востоку, особенно к буддийской философии и культуре Всеволод Иванов сохранил с юности до конца своей жизни» [5, с. 78], что позволяет говорить о внутренней укоренённости этой темы в мировоззрении писателя. В статье Л.П. Якимовой «Повесть Вс. Иванова «Возвращение Будды» в мотивном контексте русской литературы 20-х годов» буддийские элементы рассматриваются в контексте идеологических поисков 1920–1930-х годов и соотносятся с вопросом культурного выбора между Востоком и Западом. Исследовательница подчёркивает пророческий характер текста, интерпретируя его как предчувствие «крушения европейской цивилизации» и культурного распада, выраженного через мотив утраченного

пути и духовной дезориентации [6]. В другом своём исследовании Л. П. Якимова, рассматривая восточный дискурс у Иванова как форму скрытого разговора о национальных ценностях, говорит, что «под прикрытием буддизма Вс. Иванов <...> обретает возможность иносказательным способом защитить постулаты национального верования» [7, с. 94], а выбор между Востоком и Западом в повести представляет как форму выражения культурной и духовной дихотомии советского времени.

Буддийская символика в повести «Возвращение Будды» получила глубокую интерпретацию и в статье В.А. Путры [8], где внимание сосредоточено на философских основаниях буддизма, пронизывающих структуру текста, таких, как концепты «тулку» (перерожденца), «бурхан» (священного образа), «гыген» (учителя) и нирманакая – одного из уровней буддийского проявления. Исследователь раскрывает фигуру Сафонова как персонажа, проходящего путь внутренней трансформации, соотносимый с концепцией перерождения и духовного пробуждения. Образ Будды при этом предстает не как декоративный элемент, а как духовная сила, сопровождающая героя. Через анализ мотивов пути, инициации и преодоления сансарных привязанностей В.А. Путра демонстрирует, как буддийские аллюзии становятся ключом к пониманию идейной глубины и символической многослойности повести.

Синтез революционной тематики и буддийской философии в повести «Возвращение Будды» становится предметом содержательного анализа в статье Г.А. Сорокиной [9], которая подчёркивает, что буддийские мотивы в тексте выступают не как экзотический фон, а как глубинный философский слой, противопоставленный разрушительной революционной силе того времени. Особое внимание уделяется контрасту между западной рациональностью (олицетворённой в образе профессора Сафонова) и восточной созерцательностью, связанной с буддийским представлением о пути, пустоте и отказе от насилия. Повесть интерпретируется как размыщение о духовной гибели Европы, стремящейся к абсолютной рациональности, и как поиск иного способа существования – вне идеологии, через внутреннюю трансформацию. Буддийская символика у Иванова, по мысли исследователя, выполняет функцию зеркала, в котором отражаются катастрофические последствия исторического слома и одновременно просматривается возможность духовного перерождения.

Буддийская логика как способ прочтения повести «Возвращение Будды» Вс. Иванова получила оригинальную интерпретацию в статье Марко Клю (Саарбрюккен) «Буддийская логика в повести Вс. Иванова» [10], где философия трёхступенчатой схемы идентичности (A = A, A ≠ A, A есть не-А) раскрыта сквозь призму трансформаций героев. Исследователь тонко улавливает, как в фигурах профессора Сафонова и монаха Дава-Доржи отражаются ключевые категории буддийского мышления – иллюзорность материи, разрушение дуального восприятия, путь к просветлению. Особенно значима идея «стирания границ» между субъектом и объектом, внутренним и внешним, «я» и «не-я», последовательно воплощённая в символических действиях героев: разрушении позолоченной огранки статуи, сожжении рукописей, переходе к нематериальному. В этом контексте повесть прочитывается как драматургия метафизического распада идентичности и её возможного преодоления в буддийском смысле. Работа Марко Клю демонстрирует, что текст Иванова выстроен по законам не только повествовательной логики, но и глубинной философской структуры, восходящей к традиции буддийской мысли.

Случай совпадения названий повести Вс. Иванова и романа Г. Газданова «Возвращение Будды» (1949) становится предметом внимательного рассмотрения в статье Л.Н. Дарьяловой ««Возвращение Будды» Газданова и «Возвращение Будды» Вс. Иванова: опыт художественной интерпретации» [11]. Автор статьи указывает на то, что, несмотря на

различия в биографических и историко-культурных контекстах (Иванов – советский писатель, Газданов – эмигрант), оба текста объединены не только заглавием, но и центральным мотивом – образом статуи Будды. Но в повести Иванова возвращение Будды символизирует кризис сакрального начала в условиях Гражданской войны, а в романе Газданова – это знак внутренней, экзистенциальной драмы личности, оторванной от родины и культуры. Иванов создаёт панорамное, насыщенное предметной реальностью повествование, в котором фигура профессора Сафонова как бы повторяет путь Сиддхартхи, но без достижения просветления. Газданов, напротив, отказывается от внешней событийности и сосредотачивается на субъективном переживании героя – эмигранта, подверженного душевным расстройствам. Оба текста объединяют образ статуи Будды как смысловой доминанты и знак культурного поиска, однако у Иванова он соотнесён с разрушением сакрального пространства и крахом цивилизационного порядка, а у Газданова – с экзистенциальным исследованием сознания. Таким образом, Л.Н. Дарьялова демонстрирует не только факт параллелизма, но и глубинную противоположность художественного мышления – историко-культурного у Иванова и метафизико-экзистенциального у Газданова.

Значительное внимание к буддийской проблематике в повести Вс. Иванова проявляется в исследованиях внучки писателя, д.ф.н. Е.А. Папковой. В одной из её статей буддизм осмысливается сквозь призму метафоры «пути на Восток», которая в европейской культурной традиции символизирует стремление к духовному обновлению и поиску высшей истины [12].

Среди современных исследований, предлагающих содержательный философский анализ повести с акцентом на её буддийскую составляющую, особое место занимает монография российского литературоведа М.С. Уланова [13]. Исследователь характеризует «Возвращение Будды» как произведение «странные» по своей природе и внутренней логике [13, с. 103]. Признавая значительный вклад предшествующих авторов в осмысление буддийской проблематики в прозе Вс. Иванова, она стремится дополнить их наблюдения, расширяя исследовательскую перспективу описанием приёмов анализа и интерпретации буддийской символики повести «Возвращение Будды» на уроках литературы в вузовской аудитории.

Таким образом, рассмотрение повести Вс. Иванова «Возвращение Будды» через призму буддийских концептов, аллюзий и символических структур позволяет по-новому интерпретировать художественную природу произведения. Проведённый анализ показал, что в тексте не просто присутствует буддийская терминология или экзотическая атрибутика, но буддизм становится философским фоном, определяющим образы, мотивы и внутреннюю архитектонику повести. Поэтому студентам будет дана возможность предварительно ознакомиться с содержанием вышеуказанных статей, что послужит серьезной методологической основой для анализа и интерпретации повести Вс. Иванова.

На предтекстовом этапе анализа повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» необходимо понять подготовленность аудитории к восприятию поставленных задач семинара, выявить уровень знаний студентов о буддизме и его символике, предложить им подумать о том, с какими символами и понятиями ассоциируется буддизм, описать изображения Будды, вспомнить фильмы, то есть все, что слышали, важно для восприятия буддизма и его основателя. Для этого можно предложить вспомнить основные положения статей об анализируемой повести, рекомендованных для конспектирования в качестве домашнего задания, посмотреть видеоматериалы о Будде и его учении, используя приемы акмеологического чтения, прочитать повесть.

Анализ повести можно начать с вопросов о Будде и буддизме. Студенты, опираясь на собственный опыт восприятия этой личности, высажут свое понимание значимости этой легендарной фигуры, которые позволят преподавателю, выступающему в роли модератора, сделать на интерактивной доске или флип-чарте следующее заключение:

Буддизм – не совсем религия, а философия

Будда – просветлённый человек, учитель

Колесо сансары – круг перерождений

Карма – закон причин и следствий

Лотос – символ чистоты.

Медитация – путь к просветлению

Нирвана – освобождение от страданий

Страдание (духхха) – путь освобождения

Использование приема ассоциаций «кто есть кто» и «что есть что» позволит понять, каким воспринимают современные студенты Будду и его истины благодаря медиа, кино, поп-культуре:

А) Будда – просветлённый, сидящий в позе лотоса, спокойное лицо, медитация – символ внутреннего покоя и мудрости.

Б) Колесо сансары (бхавачакра) – цикл перерождений, мотив бесконечного движения без выхода, символ «вечного возвращения».

В) Лотос – чистота, пробуждение, рождение из грязи, символ духовной трансформации.

Г) Нирвана – состояние освобождения, покоя, просветления.

Обсуждение этих ассоциаций, связанных с буддийской темой, завершается резюме модератора: «Буддизм действительно богат символикой, и каждый из этих образов несёт философскую нагрузку. В сюжете повести «Возвращение Будды» буддийская символика – не просто «декорация Востока», а носитель глубоких смыслов, который помогает понять героя, мир и точку зрения самого Всеволода Иванова».

Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды» воссоздаёт перед читателем трагический и предельно напряжённый исторический контекст – революционную Сибирь начала 1920-х годов. На этом фоне разыгрывается повествование, в котором внешняя фабула экспедиции по возвращению буддийской статуи в монастырь в Монголии становится лишь оболочкой для глубоко метафорического сюжета. Главный герой, профессор Сафонов, человек европейской науки и интеллекта, получает задание сопровождать эту миссию. Однако с самого начала становится очевидно, что перед нами не бытовое или этнографическое описание, а философски насыщенный текст, осмысливающий внутреннее преображение людей на фоне исторического кризиса.

По мере продвижения экспедиции через снежные и безмолвные пейзажи Восточной Сибири, герой всё больше погружается в атмосферу хаоса, безверия, насилия и отчуждения. Его окружение – не только физически враждебная среда, но и нравственно разрушенное пространство, где идея гуманизма, кажется, утратившей свою силу. Статуя Будды, изначально воспринимаемая как предмет научного интереса и культурной ценности, постепенно становится символом – одновременно утраченного сакрального начала и возможности его возрождения. В глазах разных персонажей она теряет свой метафизический вес, превращаясь то в трофеи, то в товар, то в обузу.

Особое значение в повести приобретает второй ключевой персонаж – Дава-Дорчжи. В отличие от Сафонова, он представляет не рационалистическое, а прагматично-утилитарное отношение к статуе. Формально будучи представителем буддийской культуры, он оказывается втянут в систему наживы и обмирщения: он воспринимает статую как

материальный ресурс, а не как духовную ценность. Это культурное и этическое несовпадение между героями лишь подчеркивает общий кризис идентичности – и восточной, и западной.

Финал повести исполнен философской напряжённости. Сафонов, оказавшись перед лицом голодящих и замерзающих людей, принимает решение пожертвовать последним пайком. Этот жест, на первый взгляд обречённый и иррациональный, оказывается глубоко символичным: в нём реализуется тот самый буддийский идеал, который как будто был уничтожен или забыт. Смерть героя становится логическим завершением его внутреннего пути и воплощает ценности, противопоставленные насилию – сострадание, жертвенность и нравственную свободу. Таким образом, повесть Иванова предстает как философская драма о возвращении – пусть не артефакта, но самой идеи Будды, как символа высшей этики и отказа от насилия в нелёгкое для человечества эпоху.

Само название повести «Возвращение Будды» задаёт конкретную и в то же время многослойную интерпретационную перспективу. Оно содержит отсылку к конкретной миссии – сопровождению статуи Будды обратно в один из монастырей Монголии, откуда она была вывезена еще в царское время. Однако эта внешняя сюжетная линия сопровождается скрытым философским подтекстом: речь идёт и о возвращении духовного начала в обезображенное пространство революционной России.

Повесть снабжена эпиграфами, взятыми из древнекитайских и буддийских источников. Эти фрагменты предваряют главы и выступают смысловыми ключами, вводя читателя в медитативное, философское состояние и соотнося художественную ткань произведения с восточной буддийской культурной традицией. Особое внимание уделяется тишине, молчанию, внутреннему состоянию персонажей, недосказанности. Подобная манера сближает текст с буддийской эстетикой, где важнее не внешнее действие, а постижение внутренней сущности. Это позволяет рассматривать стилистику и ритм текста как значимые компоненты, дополняющие философскую основу заглавия.

Центральный объект повести – статуя Будды – на протяжении всего повествования проходит сложную метаморфозу смыслов. С одной стороны, она выступает как артефакт, предмет научного интереса и религиозного культа; с другой – как многозначный символ, на который проецируются внутренние состояния героев и моральные конфликты эпохи. Уже с первых страниц становится ясно, что Будда – не просто объект перевозки, а культурная граница, вокруг которой сталкиваются несовместимые мировоззрения.

Для профессора Сафонова статуя изначально является культурной ценностью, реликтом, требующим сохранения как памяти и как свидетельства высоких духовных традиций. Однако по мере продвижения экспедиции и обострения внешних условий его восприятие углубляется: Будда становится образом этического идеала, который контрастирует с окружающей реальностью – насилием, безразличием, торгом, утратой человеческого. В одной из ключевых сцен Сафонов, наблюдая за разобщённостью и моральной деградацией людей, чувствует, что подлинная суть Будды – не в статуе, а в нравственном действии: сострадании, самоотречении, готовности к жертве.

Противоположную же позицию занимает Дава-Дорчжи, который, несмотря на принадлежность к буддийской культуре, воспринимает Будду как средство материальной выгоды. Его отношение иллюстрирует обмирщение сакрального, утрату смысла даже внутри той культуры, где Будда традиционно является воплощением высшего духовного начала. Эта оппозиция позволяет Вс. Иванову показать не только социальное, но и духовное разложение, которое затронуло обе цивилизационные линии – как восточную, так и западную. При этом в финале повести происходит принципиальный поворот: сам Сафонов, не спасший артефакт,

но разделивший свой хлеб с умирающими, символически возвращает идею Будды – не как предмета, а как живой этики.

Таким образом, название повести и её философский подтекст направляют читателя к интерпретации повести как притчи о нравственном выборе и духовной альтернативе идеологическому насилию. Эти элементы задают глубину восприятия и определяют ключевые направления прочтения. А статуя Будды в повести перестаёт быть просто объектом перевозки и превращается в многоуровневый символ духовной традиции, культурного выбора. Через этот образ Всеволод Иванов размышляет о судьбе человеческой духовности в эпоху утраты всех ориентиров. Повесть написана в сложное не только для писателя, но и для всей России время. Восточная философия непротивления с ее отказом от насилия для него была альтернативой западному рационализму, приведшему европейскую цивилизацию к краху. Студенты видят намерение Всеволода Иванова сказать через иносказание и буддийскую символику говорить о сострадании, нравственном выборе и духовной тишине, которые могут спасти человека от происходящего хаоса.

Основная цель дальнейшей интерпретации аудиторией «Возвращения Будды» - понять функции буддийских символов в повести. Каждая группа получает задание аргументировать свою позицию в решении вопроса: что означает и зачем *нести Будду*? Используя формат дебатов, каждая группа формулирует тезисы своей позиции: *Сафонов – герой действия; Сафонов - герой молчания и жертвы.*

Один из важных тезисов позиции студентов, утверждающих, что Сафонов – герой действия, строится на том, что он – неклассический герой, не победитель и не защитник. Но он герой экзистенциальный, в этическом смысле: он совершает человечный поступок, он видит смысл в своей жертвенности (он – жертва), в нем происходит духовное преображение. Вспомним, что в начале этого пути в условиях холода и голода он думает только о себе, далее во время этого странного странствования со статуей Будды вместе со своим антиподом Дава-Дорчжи он не оставляет больного типа спутника, проявляет сострадание. Будда всегда рядом с ним («*Будда качается в арбе... Будда идёт через пески...*»). Статуя превращается для Сафонова в символ, ради которого Сафонов жертвует своей жизнью. В нем больше черт антигероя, тем более он не соответствует облику героя гражданской войны. Он не выполнил миссию, не смог спасти и сохранить золотую статую Будды.

Но он все же экзистенциальный герой: в этих бесчеловечных условиях он делает свой выбор: проявляет человечность, сострадает страдающим рядом с ним людям, не осуждает ворующих у него, отдает хлеб умирающему и принимает смерть в молчании, без протеста. Его молчание есть поступок, и в конце своего жизненного пути он сам «становится Буддой»: все его действия и думы есть воплощение главных постулатов буддийской философии: жертвенности и внутреннего просветления. В нем произошла духовная трансформация, сумел сохранить человечность в хаосе, и в этом смысле его подвига, суть которого – в нравственном выборе Сафонова, победившего в себе эгоистическое и перешедшего в состояние молчания, что привело его к внутреннему просветлению.

Студенты, отстаивающие свое мнение о бессмысленности поступков Сафонова, который, приняв обет молчания, жертвует своей жизнью, выдвигают следующие тезисы: а) смерть героя не способствовала спасению Будды; б) в условиях хаоса и бессмысленной вражды он поступает наивно, доверяет недостойным людям, Дава-Дорчжи, Хизрет-Нагим-Бею, не умеет трезво оценивать обстановку; в) он не давал согласие «нести Будду», выполняет приказ, то есть в его поступках нет осознанного вступления на путь преодоления страданий.

Те, кто говорит об абсурдности поступков Сафонова, должны отметить отношение Всеволода Иванова к своему герою: в изображении событий, в которые втянут Сафонов, не

имевший желания стать приверженцем буддизма, чувствуется ироничное и зачастую скептическое отношение Иванова к намерениям советских властей вернуть в Монголию статую Будды, оказавшейся в России еще до революции. Но далее, по мере нарастания напряженности в происходящих событиях, писатель показывает, как происходит духовная эволюция Сафонова, трогательно и уважительно описывает его смерть, внешне не героическую, трактует ее как нравственный подвиг.

Сафонов как носитель основных правил буддийской философии показан на фоне поступков Дава-Дорчжи. Этот герой называет себя гыгеном, «живым богом». В идеале он должен выступать носителем буддийской веры. Он признан советской властью как культурный посредник между новой Россией и буддизмом, поэтому наделен особыми полномочиями. Но в реальности у него другие цели и намерения. Будда для него не символ, а золотая статуя, то есть в нем изнутри разрушена вера в Будду, он – носитель лишь внешних атрибутов буддизма, давно вступил на путь обмирщения и хочет превратить свою религию в средство обогащения.

В ходе дискуссии главное внимание уделено вопросу о символическом значении образа Будды в условиях революции и гражданской войны. Сторонники первой позиции подчёркивают, что Будда в повести Вс. Иванова – не просто предмет культа, а метафора нравственной опоры, способной противостоять разрушению. Его молчание, кажущееся внешне пассивным, в действительности может рассматриваться как форма сопротивления. В буддийской традиции молчание – это действие через неделание, отказ от участия в круговороте насилия. В этой трактовке Будда становится тем, кто «один противостоит насилию и хаосу, происходящему вокруг», и именно поэтому Сафонов принимает решение донести его до конца, даже если это сопряжено с риском и лишениями.

Оппоненты этой концепции видят в этом молчании символ бесплодности. Для них Будда – это статуя, символ духовного прошлого, который не способен реально повлиять на текущую ситуацию. Вопрос «Вернулся ли Будда?» в этой логике приобретает иной смысл: для второй группы он не возвращается, а исчезает, унося с собой и иллюзию того, что идеал может быть сохранён. Таким образом, уже на начальном этапе обсуждения возникают две диаметрально противоположные трактовки: Будда как вечная альтернатива разрушению и Будда как пустой идеал, чуждый эпохи. То есть акцентировать внимание на том, что «Возвращение Будды» есть философская притча о духовном выборе во времена социальных потрясений и хаоса. Всеволод Иванов, написавший к 1923 году немало произведений о поведении человека во времена революции и гражданской войны, приходит к неожиданному для той эпохи выводу: даже в мире насилия можно сохранить человечность, и поэтому возвращение Будды – это возвращение духовного начала в человека, и подвиг, который совершил Сафонов, – победа человека над собой.

Для определения уровня осмыслиения интерпретируемых проблем можно предложить каждой группе заполнить на флип-чарте разработанную преподавателем таблицу «Два пути к Будде» (Таблица 1).

Таблица 1 – Два пути к Будде

Критерий	Сафонов	Дава-Дорчжи
1	2	3
Стартовая позиция	<i>Европейский ученый, скептик, раздраженный, сломленный жизнью</i>	<i>Монгол, «гыген» (титул «живого бога»), формальный носитель буддизма</i>

Продолжение Таблицы 1

1	2	3
Отношение к Будде	<i>Сначала – как к артефакту, культурной ценности; постепенно – как к символу духовного пути</i>	<i>Воспринимает статую как средство личной выгоды (вернуть стадо)</i>
Мотивы участия	<i>Выполнение приказа, позже – личное понимание миссии</i>	<i>Личная корысть и расчет</i>
Этическая позиция	<i>Преображается: от эгоизма → к состраданию и жертвенности</i>	<i>Формальные молитвы, но отсутствие реальной духовной глубины</i>
Поступки	<i>Ухаживает за больным спутником, делится последним хлебом, принимает смерть молча</i>	<i>Молитвы механичны; готов использовать священное ради своих целей</i>
Результат пути	<i>Внутренняя трансформация, духовное возвышение, «слияние с Буддой»</i>	<i>Потеря сакрального смысла, превращение веры в инструмент насилия</i>
Символическая функция	<i>Герой в экзистенциально-этическом и духовно-символическом смысле</i>	<i>Антипод героя, символ деградации сакрального начала</i>
Отношение автора	<i>Сочувствие, уважение к его внутреннему преодолению</i>	<i>Ирония, критика поверхностной религиозности</i>

Логическим завершением дискуссии о буддийской символике повести может стать реализация кейса о современном Будде: «Кто или что сегодня может быть нашим Буддой?» Отталкиваясь от сказанного в течение всего семинара, спикеры каждой группы готовят свои аргументы для презентации своего ответа на вопрос о Будде XXI века и его роли в современной жизни. В поисках ответов на вопрос о том, как узнать сегодняшнего Будду, нужно обратить внимание на следующие критерии:

- исполнитель этой функции снижает страдание, проповедует ненасилие и сострадает страждущим;

- его внутренний вектор направлен на дисциплину, эмпатию, объединяет людей разных культур и убеждений; сказанное превращает в действия и практики.

Узнать «нашего Будду» помогут студентам заранее подготовленные преподавателем-медиатором вопросы:

Кто или что может быть «Современным Буддой» в XXI веке?

А) Идеи, которые уменьшают страдание и возвращают достоинство человеку: _____

Б) Люди, которые своим трудом делают жизнь других легче _____

В) Институты, сохраняющие память и культуру: _____

Г) Экологические и культурные проекты, защищающие будущее: _____

Обсуждение вопросов актуальности буддийской философии и буддийской символики происходит через призму восприятия миссии ивановского героя как жертвенной или абсурдной. Студенты приходят к выводу, что поведение «Современного Будды» определяется этическими ценностями, построенными на сострадании и милосердии, уважении человека; носителями этих ценностей и идей являются те, кто совершают эти целенаправленные действия: врачи и учителя, волонтеры и ученые, правозащитники и

экологи, кто защищает будущее; тихую память об этих ценностях хранят библиотеки и школы, музеи и университеты. Эти этические ценности и идеи должны, по мнению студентов, вернуть людям человечность. Достичь смысла философии Будды и его восьмеричного пути к нирване можно любому, кто принимает тишину, молчание, освобождается от жестокости и насилия и достигает просветления.

С другой стороны, дискуссия стимулировала умственную деятельность студентов, их умение отстаивать свою позицию в ходе интерпретации символики художественного текста и осуществления перехода от символа к смыслу.

Заключение

Анализ повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» через призму буддийской символики показывает, что в ней заключён не просто этнографический или экзотический интерес к Востоку, но глубокая философская и культурная программа. Будда в ивановской трактовке - не статуя и не декоративный образ, а метафора нравственной опоры, символ сострадания и внутреннего преображения в условиях исторического хаоса. Через судьбу Сафонова Вс. Иванов формулирует парадоксальный вывод: даже в мире насилия и разрушения возможно сохранение человечности, если человек готов к жертве, молчанию и духовному выбору.

Семиотика Будды как художественного образа в повести многослойна, выполняет концептуальную функцию. Буддийские мотивы пути, молчания, жертв, возвращения интегрированы в сюжет и способствуют осмыслинию духовного кризиса общества в период гражданской войны. Поэтому именно возвращающаяся статуя Будды становится в повести смысловым центром, объединяющим элементы детектива, приключенческой и этнографической повести и философской притчи. Она выполняет еще одну не менее важную функцию: показывает иной, альтернативный западному рационализму и господствующей в России диктатуре восточный путь к духовному обновлению личности через жертвы, сострадания и духовного обновления.

Предложенная методика интерпретации буддийской символики в повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» способствует формированию у студентов навыков интерпретации символов, развития критического мышления и умений видеть связь текста с культурным контекстом. Приёмы ассоциаций, дебатов, кейс-метода позволяют превратить анализ произведения в площадку для осмыслиения не только художественного текста, но и современных ценностей, которые могут быть нашим «Буддой».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов Вс. Возвращение Будды. – М.: Правда, 1991. – 480 с.
2. Иванов Вяч.Вс. «И мир опять предстанет странным...» (К 100-летию со дня рождения Всеволода Иванова, 24 февраля 1895 г.) // В кн.: Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. II. – С. 504–512.
3. Иванов Вяч.Вс. Всеволод Иванов – неведомый, полу забытый и известный // В кн.: Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – С. 715–732.
4. Банерджи Р. Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды»: символика названия // Сюжетология и сюжетография. – 2020. – №2. – С. 63–71.
5. Ханинова Р.М. Концепт «статуи» в одноименных произведениях Вс. Иванова и Г. Газданова «Возвращение Будды» // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Международной народной конференции. Вып. 2. – М.: МГОУ, 2003. – С. 76–84.
6. Якимова Л.П. Повесть Вс. Иванова «Возвращение Будды» в мотивном контексте русской литературы 20-х годов // Сюжетология и сюжетография. – 2014. – №2. – С. 82–91.

7. Якимова Л.П. «При жизни произведен в классики». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20-х – 30-х годов XX века. – Новосибирск: СО РАН: Изд-во СО РАН, 2019. – 256 с.
8. Путра В.А. Буддийские аллюзии в творчестве Вс.Иванова // В кн.: О поэтах и писателях всех времен. Энциклопедия научных очерков: монография. – СПб.: НАЦРАЗВИТИЕ, 2024. – С. 28–33.
9. Сорокина Г.А. Повесть Вс. Иванова «Возвращение Будды»: идеи революции и буддизма // Вестник Калмыцкого университета. – 2016. – № 2. – С. 156–163.
10. Клю М. Буддийская логика в повести Вс. Иванова «Возвращение Будды» // Литература в диалоге культур: матер. междунар. науч. конф. 5. – Ростов н/Д., 2007.– С. 114 –116.
11. Дарьялова Л.Н. «Возвращение Будды» Г. Газданова и «Возвращение Будды» Вс. Иванова: опыт художественной интерпретации // В кн.: Газданов и мировая литература / Ред.-сост. Л.В. Сыроватко. – Калининград: ГП «КГТ», 2000. – С. 175–187.
12. Папкова Е.А. Путь на Восток в произведениях Б. Пастернака «Доктор Живаго» и Вс. Иванова «Возвращение Будды» // В кн.: Любовь пространства: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – С. 261–269.
13. Уланов М.С. Буддизм в русской культуре конца XIX – первой половины XX века. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2006. – 116 с.

REFERENCES

1. Ivanov Vs. Vozvrashenie Buddy [The Return of the Buddha]. – M.: Pravda, 1991. – 480 s. [in Russian]
2. Ivanov Viach.Vs. «I mir opiat predstanet strannym...» (K 100-letiu so dnia rozhdenia Vsevoloda Ivanova, 24 fevralia 1895 g.) [“And the world will appear strange again...” (On the occasion of the 100th anniversary of Vsevolod Ivanov's birth, February 24, 1895)] // Ivanov Viach.Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kultury. – M.: Iazyki russkoi kultury, 2000. – T. II. – S. 504–512. [in Russian]
3. Ivanov Viach.Vs. Vsevolod Ivanov – nevedomyi, poluzabytyi i izvestnyi [Vsevolod Ivanov – unknown, half-forgotten and famous] // V kn.: Neizvestnyi Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva. – M.: IMLI RAN, 2010. – S. 715–732. [in Russian]
4. Banerdzhi R. Povest Vsevoloda Ivanova «Vozvrashenie Buddy»: simvolika nazvania [Vsevolod Ivanov's novel “The Return of the Buddha”: the symbolism of the title] // Siuzhetologia i siuzhetografija. – 2020. – №2. – S. 63–71. [in Russian]
5. Haninova R.M. Koncept «statui» v odnoimennyh proizvedeniyah Vs. Ivanova i G. Gazdanova «Vozvrashenie Buddy» [The concept of “statues” in the eponymous works of Vs. Ivanova and G. Gazdanova “The Return of the Buddha”] // Maloizvestnye stranicy i novye koncepcii istorii russkoi literatury XX veka: Materialy Mezhdunarodnoi narodnoi konferencii. Vyp. 2. – M.: MGOU, 2003. – S. 76–84. [in Russian]
6. Iakimova L.P. Povest Vs. Ivanova «Vozvrashenie Buddy» v motivnom kontekste russkoi literatury 20-h godov [The story of the Sun. Ivanov's “The Return of the Buddha” in the Motif Context of Russian Literature of the 20s] // Siuzhetologia i siuzhetografija. – 2014. – №2. – S. 82–91. [in Russian]
7. Iakimova L.P. «Pri zhizni proizveden v klassiki». Vsevolod Ivanov v istoriko-literaturnom kontekste 20-h – 30-h godov XX veka [“During his lifetime, he was made a classicist.” Vsevolod Ivanov in the historical and literary context of the 20s – 30s of the XX century]. – Novosibirsk: SO RAN: Izd-vo SO RAN, 2019. – 256 s. [in Russian]
8. Putra V.A. Buddiskie alliuzii v tvorchestve Vs.Ivanova [Buddhist allusions in the works of Vs.Ivanova] // V kn.: O poetah i pisateliyah vseh vremen. Enciklopedia nauchnyh ocherkov: monografia. – SPb.: NACRAZVITIE, 2024. – S. 28–33. [in Russian]
9. Sorokina G.A. Povest Vs. Ivanova «Vozvrashenie Buddy»: idei revoliucii i buddizma [The story of the Sun. Ivanova's “The Return of the Buddha”: Ideas of Revolution and Buddhism] // Vestnik Kalmyckogo universiteta. – 2016. – № 2. – S. 156–163. [in Russian]
10. Kliu M. Buddiskaia logika v povesti Vs. Ivanova «Vozvrashenie Buddy» [Buddhist logic in the novella Vs. Ivanov's “The Return of the Buddha”] // Literatura v dialoge kultur: mater. mezhdunar. nauch. konf. 5. – Rostov n/D., 2007.– С. 114 –116. [in Russian]

11. Darialova L.N. «Vozvrashenie Buddy» G. Gazdanova i «Vozvrashenie Buddy» Vs. Ivanova: opyt hudozhestvennoi interpretacii [“The Return of the Buddha” by G. Gazdanov and “The Return of the Buddha” by V. Ivanov: the experience of artistic interpretation] // V kn.: Gazdanov i mirovaya literatura / Red.-sost. L.V. Syrovatko. – Kaliningrad: GP «KGT», 2000. – S. 175–187. [in Russian]
12. Papkova E.A. Put na Vostok v proizvedeniyah B. Pasternaka «Doktor Zhivago» i Vs. Ivanova «Vozvrashenie Buddy» [The Way to the East in the works of Boris Pasternak "Doctor Zhivago" and Sun. Ivanov's "The Return of the Buddha"] // V kn.: Liubov prostranstva: Poetika mesta v tvorchestve Borisa Pasternaka. – M.: Iazyki slavianskoi kultury, 2008. – C. 261–269. [in Russian]
13. Ulanov M.S. Buddizm v russkoi kulture konca XIX – pervoi poloviny XX veka [Buddhism in Russian Culture of the late 19th – first half of the 20th century]. – Elista: Izd-vo KalmGU, 2006. – 116 s. [in Russian]